

УДК 343.9

DOI: 10.34670/AR.2026.80.39.036

История становления и развития женской преступности в России: актуальные проблемы

Шикула Ильмира Рифкатьевна

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований,
факультета «Высшая школа прикладной юриспруденции»,
Российский государственный гуманитарный университет,
125047, Российская Федерация, Москва, ул. Чаянова, 15;
Главный научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
изучения актуальных вопросов права,
Донбасский государственный университет юстиции,
283049, Российская Федерация, Донецк, ул. Лебединского, 9;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Назаров Денис Сергеевич

Старший помощник начальника учебно-методического отдела,
Московское высшее общевойсковое командное
училище Министерства обороны Российской Федерации,
103063, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 19;
e-mail: nazarovmvvku@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается история становления и развития женской преступности в России как самостоятельное направление криминологического анализа, позволяющее связать изменение правового статуса женщины с характером совершаемых ею преступлений и формами государственного реагирования. Цель исследования состоит в выявлении основных историко-правовых этапов развития женской преступности и определении их значения для современного предупреждения преступлений. Методологическую основу составили историко-правовой, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и криминологический методы. Установлено, что женская преступность в разные периоды развивалась под воздействием патриархального семейного уклада, церковно-нравственного регулирования, усиления государственного контроля, появления уголовной статистики, советской социальной политики и постсоветской экономической трансформации. Сделан вывод, что современная профилактика женской преступности должна учитывать исторически сложившуюся связь между социальной уязвимостью женщины, семейным давлением, трудовой нестабильностью и формированием криминогенной ситуации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шикула И.Р., Назаров Д.С. История становления и развития женской преступности в России: актуальные проблемы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 299-307. DOI: 10.34670/AR.2026.80.39.036

Ключевые слова

Женская преступность, история преступности, правовой статус женщины, криминология, уголовная ответственность, предупреждение преступности, социальная трансформация, методология исследования, государственная политика.

Введение

История становления и развития женской преступности в России имеет самостоятельное криминологическое значение, поскольку позволяет увидеть не только изменение количества преступлений, совершаемых женщинами, но и изменение самого положения женщины в системе семейных, имущественных, трудовых и публично-правовых отношений. Если рассматривать женскую преступность только как современный статистический показатель, то за пределами анализа останется главный вопрос: почему в одни исторические периоды женщина почти не воспринималась как самостоятельный субъект преступления, а в другие становилась заметным участником имущественных, бытовых, насильственных и экономических преступлений. Поэтому исторический подход дает возможность связать правовой статус женщины, социальную роль, характер наказания и научные представления о женской девиантности в единую объяснительную модель.

Современные формы женской преступности не возникли внезапно, а сформировались в результате длительного изменения общественного уклада, хозяйственных отношений, семейных обязанностей, доступа женщин к образованию и труду, а также трансформации уголовно-правовой политики. В диссертационном исследовании, положенном в основу настоящей статьи, первая глава специально посвящена теоретическим основам изучения женской преступности, а первый параграф раскрывает именно историческое становление данного явления, что подтверждает необходимость рассматривать современную криминологическую характеристику в связи с предшествующими этапами развития российского государства и права.

Основная часть

Женская преступность в историческом развитии не может быть сведена к простому факту совершения женщинами отдельных преступлений, поскольку она отражает место женщины в обществе и характер доступных ей социальных ролей. В обществах с жесткой патриархальной организацией женщина чаще включалась в сферу семейного контроля, а ее поведение оценивалось через категории нравственности, послушания, супружеской верности и репродуктивной функции. Это не означало отсутствия преступности среди женщин, но делало ее менее заметной для публичного права, поскольку значительная часть конфликтов решалась внутри семьи, общины или церковной юрисдикции, именно поэтому ранняя женская преступность отличалась высокой латентностью.

Женщина могла выступать субъектом кражи, побоев, поджога, детоубийства, нарушения

церковно-нравственных запретов, однако правовой интерес государства к такому поведению был неодинаковым. Более строго осуждались деяния, которые воспринимались как угроза семье, роду, религиозному порядку или мужской власти, тогда как имущественные проступки нередко оценивались через общие сословные и имущественные критерии. Такой подход показывает, что на ранних этапах пол преступника не всегда закреплялся в законе прямо, но фактически влиял на восприятие общественной опасности деяния.

История женской преступности связана с эволюцией социального, экономического и правового статуса женщины. Это положение имеет принципиальное значение, поскольку криминолог не может анализировать преступность женщин вне контекста тех возможностей и ограничений, которые общество предоставляет женщине в конкретный период. Чем уже пространство легального поведения, тем выше риск того, что конфликт, нужда или зависимость будут вытеснены в скрытую, бытовую или противоправную форму.

В древнерусский период правовое регулирование ответственности женщин формировалось под влиянием обычая, княжеского законодательства и церковных норм. До появления развитой письменной правовой системы значительную роль играли обычаи, которые регулировали отношения внутри общины и семьи. Женщина могла быть участником правонарушения, однако ее самостоятельность зависела от сословного положения, семейного статуса и степени личной свободы. Если свободная женщина могла выступать субъектом ответственности, то рабыня фактически находилась под властью владельца, и это меняло юридическое восприятие ее поведения.

Важную роль в регулировании поведения женщин играли церковные нормы, поскольку значительная часть женских проступков рассматривалась не только как нарушение права, но и как нарушение нравственного порядка. Прелюбодеяние, аборт, детоубийство, семейные конфликты, побои и иные действия оценивались через призму религиозной морали, что усиливало зависимость женщины от семейного и церковного контроля. В этом проявлялась особенность раннего этапа: женская преступность была тесно связана с представлениями о семье, браке, материнстве и телесной нравственности, а потому государственная реакция нередко соединялась с моральным осуждением.

Уставы князей Владимира и Ярослава, а также Русская Правда свидетельствуют о постепенном усложнении правовой оценки поведения женщин. В диссертационном материале обращается внимание на то, что отдельные виды правонарушений, например женская драка или побои, получали специальное нормативное закрепление, что указывает на признание женщины самостоятельным участником конфликтных ситуаций. Вместе с тем наказания и правовые последствия зависели не только от пола, но и от социального положения, характера вреда, имущественного статуса и отношения деяния к церковному порядку [Вологдин, 2015, с. 135; Лыско, 2023, с. 19-27].

В результате древнерусский этап показывает двойственность положения женщины. С одной стороны, женщина не была полностью исключена из сферы уголовной ответственности и могла отвечать за причинение вреда, имущественные посягательства или нарушение нравственных запретов. С другой стороны, сама система регулирования оставалась патриархальной, поскольку личность женщины оценивалась преимущественно через ее семейную роль, зависимость от мужчины и соответствие религиозно-нравственным ожиданиям.

В XVIII-XIX вв. женская преступность постепенно становится более заметной для государства и науки. Это связано с усилением централизации власти, развитием уголовного законодательства, ростом городов, изменением хозяйственной жизни и формированием

системы статистического наблюдения. Если ранний период характеризовался преобладанием обычая и церковного влияния, то имперский этап показывает переход к более регулярному государственному учету преступлений и наказаний. Именно такой учет создает основу для последующего криминологического анализа.

Особое значение имела публикация Министерством юстиции с 1803 года ежегодных сведений о преступности, поскольку статистика позволила увидеть не только отдельные случаи, но и устойчивые тенденции. Начиная с XIX века, исследователи стали сопоставлять преступность мужчин и женщин, выявлять зависимость преступлений от экономических обстоятельств, урожайности, цен на хлеб, семейного положения и уровня алкоголизации населения [Озеров, 1896, с. 45-83; Тарновский, 1898, с. 73-106; Машинцев, 1913, с. 274-313]. Такой переход от морального осуждения к статистическому наблюдению стал важным этапом формирования научного подхода.

При этом ранняя криминологическая мысль не была свободна от биологических и нравственных стереотипов. В работах конца XIX - начала XX вв. женщина-преступница часто описывалась через эмоциональность, зависимость, жестокость в семейно-бытовой ситуации или нарушение материнской роли. Например, исследования П.Н. Тарновской и публикации И.Я. Фойницкого отражают интерес к психологическим особенностям женщин, совершивших преступления, однако современная оценка этих работ требует критичности, потому что часть выводов была связана с представлениями своей эпохи и не всегда отделяла социальные причины от моральных характеристик [Тарновская, 1902, с. 46; Фойницкий, 1893, с. 123-144].

Имперский этап важен не только как период появления статистики, но и как этап, на котором женская преступность стала рассматриваться в связи с социальными процессами. Урбанизация, бедность, трудовая зависимость, проституция, алкоголизация семейной среды и имущественное расслоение создавали условия, при которых женщина чаще попадала в криминогенную ситуацию. Поэтому исторический анализ показывает, что даже тогда женская преступность не могла объясняться только личной испорченностью или биологической природой: ее развитие было связано с устройством общества и ограниченностью легальных возможностей.

Советский период изменил социальное положение женщины и одновременно изменил язык научного объяснения преступности. Официально провозглашались равенство полов, вовлечение женщин в трудовую деятельность, доступ к образованию и участие в общественной жизни. Эти изменения объективно расширяли социальные возможности женщины, однако не устраняли всех криминогенных факторов, поскольку двойная нагрузка, семейно-бытовые конфликты, алкоголизация, дефицит жилья и трудовые перегрузки продолжали влиять на поведение женщин.

Особенность советского подхода заключалась в том, что женская преступность долгое время рассматривалась как сравнительно малозначимая часть общей преступности, а ее специфика часто растворялась в общей идеологической формуле борьбы с пережитками прошлого. В годы Великой Отечественной войны и последующее десятилетие специальное изучение женской преступности фактически не развивалось, что объяснялось как общими историческими обстоятельствами, так и приоритетом иных проблем государственного строительства. Однако отсутствие активного исследования не означало исчезновения самой проблемы.

Возрождение научного интереса к женской преступности в 1960-1970-е гг. было связано с развитием криминологии, исправительно-трудового права и более внимательным изучением

личности осужденных. Именно в этот период стало очевидно, что женщины в местах лишения свободы имеют специфические социально-психологические особенности, а работа с ними не может полностью копировать методы, применяемые к мужчинам. Исследования советского и позднесоветского периода создали основу для последующего анализа женской преступности как самостоятельного объекта криминологического изучения [Антонян, 1992, с. 64; Гернет, 1974, с. 311].

В то же время советская модель имела внутреннее противоречие. С одной стороны, она признавала социальную природу преступности и тем самым отходила от грубых биологических объяснений. С другой стороны, она не всегда позволяла открыто обсуждать те формы неблагополучия, которые прямо противоречили идеологическому образу благополучной семьи и равноправной женщины. Поэтому часть причин женской преступности, включая домашнее насилие, зависимость от алкоголизированного партнера, скрытую бедность и бытовую перегрузку, оставалась недостаточно раскрытой.

Постсоветский этап стал одним из наиболее значимых для понимания современной женской преступности. Резкое изменение экономического уклада, разрушение прежних социальных гарантий, рост безработицы, нестабильность доходов, снижение престижа ряда профессий и кризис семейных отношений особенно сильно затронули женщин, которые одновременно сохраняли ответственность за детей, быт и поддержку семьи. В этих условиях преступность женщин стала отражать не только индивидуальную деформацию личности, но и болезненную перестройку всей социальной среды.

Для женщин переходный период означал не только формальное расширение свободы, но и усиление неопределенности. Многие женщины оказались вынуждены конкурировать на рынке труда без достаточной защиты, совмещать низкооплачиваемую занятость с семейными обязанностями, зависеть от случайных доходов или партнера, а в отдельных случаях - включаться в незаконные экономические практики. Именно поэтому в диссертационном исследовании подчеркивается, что социально-экономические потрясения выступают одним из ключевых факторов роста женской девиантности.

Современный этап характеризуется тем, что женская преступность приобретает более сложную структуру. Наряду с традиционными имущественными преступлениями сохраняются преступления в семейно-бытовой сфере, появляются новые формы участия в экономических преступлениях, незаконном обороте наркотиков, цифровых схемах и групповой преступности. Это подтверждает общий исторический вывод: как только меняется социальная роль женщины и расширяется пространство ее экономической активности, меняются не только легальные формы поведения, но и формы возможного криминального участия.

Историческое изучение женской преступности имеет практическое значение для предупреждения преступлений. Оно показывает, что профилактика не может быть построена на абстрактном призыве к нравственности или формальном контроле после совершения преступления. Необходимо учитывать те социальные обстоятельства, которые в разные эпохи повторяются в новых формах: бедность, зависимость, семейное давление, трудовая нестабильность, отсутствие помощи, виктимизация и правовая неграмотность. Если эти обстоятельства игнорируются, государство реагирует не на процесс формирования преступного поведения, а только на его итог.

Одной из устойчивых исторических особенностей женской преступности является латентность, которая в разные эпохи имела различные формы. В древнерусском и средневековом обществе скрытность была связана с семейным и церковным разрешением

конфликтов, в имперский период - с зависимостью женщины от семьи, работодателя или местного сообщества, в советское время - с нежеланием выносить бытовое неблагополучие в публичную сферу, а в современный период - с сочетанием семейного насилия, экономической зависимости, страха перед органами опеки и недоверием к правоохранительным механизмам. Поэтому латентность не является техническим недостатком учета, она отражает глубинное положение женщины в обществе.

Исторический анализ позволяет увидеть преемственность криминогенных факторов. Менялись формы государства, источники права, идеология и экономический уклад, но в разных исторических условиях повторялись такие обстоятельства, как материальная зависимость, ограниченность доступа к устойчивому доходу, семейное давление, социальное осуждение и отсутствие своевременной помощи. Именно поэтому современная женская преступность не может быть понята только через текущую статистику: за ней стоят длительные механизмы социальной уязвимости, которые меняют внешнюю форму, но сохраняют криминологическое значение.

Следовательно, история женской преступности должна использоваться не только в теоретической части исследования, но и при проектировании профилактики. Если государство видит в женщине только субъекта уже совершенного преступления, оно повторяет ошибку прежних периодов, когда внимание сосредоточивалось на наказании и нравственном осуждении. Если же анализируется путь к преступлению, включая бедность, насилие, зависимость, трудовую перегрузку и правовую беспомощность, то профилактика получает возможность вмешаться до того, как неблагополучие приобретет уголовно-правовую форму.

Переход к статистическому наблюдению стал принципиальным рубежом в истории изучения женской преступности, поскольку до этого государство и общество чаще видели отдельный проступок, но не устойчивую закономерность. Когда преступность стала фиксироваться в ежегодных отчетах, появилась возможность сравнивать преступления мужчин и женщин, сопоставлять их по видам, регионам, возрасту, социальному положению и повторности. Для науки это означало переход от рассуждений о женской нравственности к анализу измеримых признаков, хотя сами выводы исследователей XIX века еще сохраняли влияние моральных и сословных представлений.

Дореволюционная статистика показала, что женская преступность реагирует на экономические изменения, продовольственные кризисы, семейное неблагополучие и изменение городской среды. Работы Е.Н. Тарновского о связи цен на хлеб, урожайности и преступлений против собственности важны именно тем, что они связывали преступность не только с личными качествами виновной, но и с материальным состоянием населения [Тарновский, 1898, с. 73-106; Тарновский, 1899, с. 28]. Для женской преступности это имело особое значение, поскольку имущественная зависимость женщины, особенно в бедных семьях, создавала специфическую форму давления, которая могла переходить в кражу, сокрытие имущества, участие в незаконной торговле или иные формы корыстного поведения.

Научный интерес к женской преступности развивался параллельно с общим становлением отечественной криминологии. Исследователи пытались понять, почему женщины реже мужчин попадают в уголовную статистику, какие преступления они совершают чаще, как на их поведение влияет брак, вдовство, бедность, алкоголизм в семье и зависимость от мужчины. Даже если часть выводов была спорной, сама постановка вопроса имела прогрессивное значение: женщина-преступница начинала рассматриваться не только как нарушительница семейной морали, но и как участник социальных процессов, связанных с бедностью,

урбанизацией и правовой модернизацией.

Вместе с тем дореволюционная криминология не смогла полностью преодолеть стереотипное восприятие женщины. Женская преступность нередко объяснялась через эмоциональность, материнский инстинкт, ревность, слабость характера или нравственное падение, тогда как экономическая и правовая зависимость женщины оставалась недостаточно раскрытой. Это обстоятельство важно учитывать в современных исследованиях: исторические источники необходимо использовать не как готовые ответы, а как материал, показывающий, как менялись сами способы описания женского преступного поведения.

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что история становления и развития женской преступности в России представляет собой не последовательность отдельных фактов, а сложный процесс изменения правового статуса женщины, социальной роли, семейной зависимости, экономической активности и научного понимания преступного поведения. На ранних этапах женская преступность была тесно связана с церковно-нравственным регулированием и семейным контролем, в имперский период стала предметом статистического наблюдения и первых криминологических обобщений, в советское время получила социальное объяснение, а в постсоветский период проявилась в новых формах, обусловленных рыночной нестабильностью и трансформацией семейных институтов.

Главное значение исторического подхода состоит в том, что он позволяет отказаться от упрощенных представлений о женской преступности как о случайном отклонении от традиционной женской роли. Женская преступность всегда была связана с устройством общества, доступом женщины к ресурсам, характером контроля, уровнем социальной защиты и возможностью легального решения жизненных конфликтов, поэтому современная криминологическая политика должна учитывать исторически сложившуюся специфику женской уязвимости, но не превращать ее в оправдание преступления. Речь должна идти о более точном предупреждении, индивидуализации ответственности и создании условий, при которых криминогенные обстоятельства выявляются до совершения преступления.

Библиография

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. 64 с.
2. Вологдин А.А. История отечественного государства и права: учебник. М.: Юстиция, 2015. 135 с.
3. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. 311 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков. М.: Юрайт, 2018. 190 с.
6. Лыско Е.А. Исторический аспект женской преступности // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6. С. 19-27.
7. Машинцев В.В. Алкоголизм и преступность в Пензенской губернии: опыт статистического исследования // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 7. С. 274-313.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003. 128 с.
9. Озеров И. Сравнительная преступность полов в зависимости от некоторых факторов // Журнал юридического общества. 1896. Март. Кн. 3. С. 45-83.
10. Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX вв. // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3-15.
11. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902. 46 с.

12. Тарновский Е.Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 73-106.
13. Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894 гг.). СПб., 1899. 28 с.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 19.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. 19.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Фойницкий И.Я. Женщина-преступница // Северный вестник. 1893. № 2. С. 123-144.

The History of the Formation and Development of Female Crime in Russia: Current Problems

Il'mira R. Shikula

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Applied Jurisprudence
and Interdisciplinary Legal Studies,
Faculty "Higher School of Applied Jurisprudence",
Russian State University for the Humanities,
125047, 15, Chayanova str., Moscow, Russian Federation;
Chief Researcher
of the Research Laboratory
for the Study of Topical Issues of Law,
Donbass State University of Justice,
283049, 9, Lebedinskogo str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Denis S. Nazarov

Senior Assistant to the Head of the Educational and Methodological Department,
Moscow Higher Combined Arms Command
School of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
103063, 19, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nazarovmvvku@gmail.com

Abstract

The article examines the history of the formation and development of female crime in Russia as an independent direction of criminological analysis, which makes it possible to link the change in the legal status of women with the nature of the crimes they commit and the forms of state response. The objective of the research is to identify the main historical and legal stages of the development of female crime and to determine their significance for modern crime prevention. The methodological basis was formed by historical-legal, systemic, formal-legal, comparative-legal, and criminological methods. It has been established that female crime in different periods developed under the influence of the patriarchal family structure, church and moral regulation, the strengthening of state control, the emergence of criminal statistics, Soviet social policy, and post-Soviet economic transformation. The conclusion is drawn that modern prevention of female crime

should take into account the historically established connection between the social vulnerability of women, family pressure, labor instability, and the formation of a criminogenic situation.

For citation

Shikula I.R., Nazarov D.S. (2026) *Istoriya stanovleniya i razvitiya zhenskoy prestupnosti v Rossii: aktual'nye problemy* [The History of the Formation and Development of Female Crime in Russia: Current Problems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 299-307. DOI: 10.34670/AR.2026.80.39.036

Keywords

Female crime, history of crime, legal status of women, criminology, criminal liability, crime prevention, social transformation, research methodology, state policy.

References

1. Antonyan, Yu. M. (1992). *Prestupnost' sredizhenshchin* [Crime among Women]. Moscow.
2. Foynitskiy, I. Ya. (1893). *Zhenshchina-prestupnitsa* [The Female Criminal]. *Severnyy vestnik*, (2), 123-144.
3. Gemet, M. N. (1974). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Yuridicheskaya Literatura.
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. (1993, amended 2020). SPS "KonsultantPlus".
5. Kozachenko, I. Ya., & Korsakov, K. V. (2018). *Kriminologiya* [Criminology]. Yurayt.
6. Lysko, E. A. (2023). *Istoricheskiy aspekt zhenskoy prestupnosti* [The Historical Aspect of Female Crime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, (6), 19-27.
7. Mashintsev, V. V. (1913). *Alkogolizm i prestupnost' v Penzenskoy gubernii* [Alcoholism and Crime in Penza Province]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, (7), 274-313.
8. Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX vv.)* [Social History of Russia during the Imperial Period]. (Vols. 1-2).
9. Ozerov, I. (1896). *Sravnitel'naya prestupnost' polov v zavisimosti ot nekotorykh faktorov* [Comparative Criminality of the Sexes Depending on Certain Factors]. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva*, (3), 45-83.
10. Pushkareva, N. L. (1994). *Russkaya zhenshchina v semye i obshchestve X-XX vv.* [Russian Women in Family and Society from the 10th to the 20th Centuries]. *Etnograficheskoye obozreniye*, (5), 3-15.
11. Tarnovskaya, P. N. (1902). *Zhenshchiny-ubiychy* [Female Murderers]. Saint Petersburg.
12. Tarnovskiy, E. N. (1898). *Vliyaniye khlebnnykh tsen i urozhayev na dvizheniye prestupleniy protiv sobstvennosti v Rossii* [The Influence of Bread Prices and Harvests on the Movement of Crimes against Property in Russia]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, (8), 73-106.
13. Tarnovskiy, E. N. (1899). *Itogi russkoy ugolovnoy statistiki za 20 let (1874-1894 gg.)* [Results of Russian Criminal Statistics for 20 Years (1874-1894)]. Saint Petersburg.
14. *Ugolovno-ispolnitelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Penal Code of the Russian Federation]. (1997, amended 2026). SPS "KonsultantPlus".
15. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. (1996, amended 2026). SPS "KonsultantPlus".
16. Vologdin, A. A. (2015). *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of the Russian State and Law]. Yustitsiya.